

Евгений Плоткин

Норвежское лето - 2004

Норвежское лето – 2004

Цыганка кинула карты. Выпала Норвегия. Все при-
тихли – карта сулила дальнюю дорогу. На ней сканди-
навский лев по-хозяйски положил лапы на Балтийское мо-
ре. Его желто-коричневая шкура и зеленоватое подбрю-
шье обещали горы и долины. Там же, где должен начи-
наться хвост, животное гадило полуостровами на наш
Крайний Север. Это Нордкап, самая северная точка Евро-
пы. Кажется, нам туда... Нам точно – туда! А как?!

Все оказалось довольно просто. Мы сели в Питере
на две зрелого возраста машины, доехали до порта и по-
грузились на Хельсинкский паром. Путь к сердцу Норве-
гии ведет через Финляндию.

Финляндия – страна очень задумчивая. Леса сменя-
ются перелесками, перелески – озерами, озера – лесами.
Периодически по обочинам дороги попадаются финны.
Идут, отталкиваются лыжными палками, на головах вяза-
ные шапочки. Видно, втянулись за зиму.

Средняя полоса Финляндии выпол-
нена в гамме светло-зеленых, спокойных
цветов. Как-то все очень плавно, неспеш-
но и точно. Северная пастораль. Периодически ее нарушают одуряюще-желтые
поля. Если выходит солнце, то желтое
становится ярко желтым и зелень лесов
обрамляет эти пятна изысканнейшим об-
разом. Но где оно, это солнце?..

Нашей первой целью был Рование-
ми, столица финской Лапландии, резид-
денция Деда Мороза.

Дед Мороз живет немного на север,
за городом. Живет явно неплохо, а еще лучше живет облепившее его местное население.
Турист идет косяком, и финнам не до их медленно растворимого кофе – “козлотура надо
стричь”, как говорил Фазиль Искандер.

У Деда имеется канцелярия, почта, телеграф. Если при-
дут большевики, им будет что брать. Пока же через резиден-
цию проходит Полярный круг. Проходит зримо, в виде пря-
мой, упирающейся в небольшой, но увесистый земной шарик.
Можно постоять на круге, подмяв под себя земную ось. Дед
сидит в комфортабельном коттедже, куда не зарастает на-
родная тропа. Платишь, фотографируешься с фотомodelью
в красном халате и белой бороде, затем снова платишь – и
на Новый Год тебе пришлют подарок с автографом. Но можно
и не платить, а просто поговорить с ним за жизнь. Нормаль-
ный мужик, нос, по-моему, натурально красный – какой там
мороз, работа у него такая. Поговорили, но как-то формально,
пожелали друг другу удачи и поехали дальше. А жаль не-
много, можно было бы и посидеть, и распить пол-литру под
копченого лосося.

Финский лосось горячего копчения божественен. У него
светящаяся золотистая кожа. Берешь эту кожу, поддеваешь
ножиком – но только нежно, чтобы был виден тончайший слой

желтоватого жира. Здесь очень важно сглотнуть первую слюну и зажмурить глаза, пока запах дойдет до нужной точки в голове, отвечающей за чувственный пищевой оргазм. Открываешь глаза и видишь розоватую мякоть. Все: вкусовые сосочки напряглись, теперь лосось будет таять во рту, не доходя до неба, оставляя лишь сожаление о бесцельно прожитых без него годах.

Да-а, жаль немного. С кем только не доводилось говорить за жизнь. С пожарниками на Беломоро-Балтийском канале под водку череповецкого разлива, с питерскими милиционерами под пиво, с браконьерами на Ахтубе... а вот с Дедом Морозом – не вышло. Чувствую, хотелось ему.

Сам Рованиеми – городок как городок, на берегу озера, у подножия сопки. Считается, что его городская архитектура необычна, поскольку строил здесь знаменитый финский архитектор-функционалист Аалто. Возможно, она и необычна, и функциональна. Мы пытались это прочувствовать, но как-то без особого успеха. Не греет – видно, не те функции...

На окраине города находится военное кладбище. Перед кладбищем надпись: "Жертвам трех войн – Северной Войны, Войны Продолжения и Лапландской Войны". Вот так. Ничего мы не знаем. Оказывается, у Финляндии были 2 войны против России и последняя, Лапландская – за. Оказывается, был сепаратный договор между Финляндией и Россией в 1944 о войне против фашистов. Над оградой церковь и скульптуры из бурого финского гранита – знакомые суровые линии. Так же выглядит Братское кладбище в Риге, словно осознание форм вечности соответствует окружающей природе.

В углу еще одно кладбище – жертвам переселения финнов в Швецию в 1946 году, более шестисот человек... Кто, что – непонятно. Я спросил у девчуски в туристской информации, что за кладбище, какова история. Она непонимающе поморгала глазами – о каком кладбище речь? И в самом деле, о каком? Многие зная...

За Рованиеми начинаются саамские земли. Мы заехали в Соданкюла, там находится старинная саамская церковь. Архитектуры никакой, все очень просто, 17-й век – не Ренессанс, поскольку несозданного не возродишь. Внутри иконка, темные скамьи и густой смоляной запах. Нет пришедшего к грекам с востока елея, нет мирры – одна живая смола живого дерева. Это так же монументально, как раннеримская базилика, хоть и выглядит немного по-другому. От Соданкюла уже близко до Танкаваары, где мыли финское золото. Можно и сейчас этим заняться на специальном прииске, но не рекомендую – удовольствие и в самом деле золотое, а кайф сомнительный. Зато вокруг озера Инари есть шанс найти Звезду Лапландии. Так называют драгоценную разновидность эвдиалита, или "саамской крови". Камень этот малиново-красный и не слишком редкий, но иногда он образует прозрачные драгоценные кристаллы – вот они-то и называются Звездой Лапландии. У Ферсмана в "Рассказах о самоцветах" есть очень поэтичное описание легенды, где присутствует все необходимое: порабитители, народное восстание, подвиг и увековечивание. Александр Евгеньевич был поэтом и умел завораживать воображение... И вот мы стоим на берегу Инари. Всюду гранит и прозрачная вода. Хочется верить в фарт и в Александра Евгеньевича. На серых камнях сплошь и рядом прозрачные розовые блески, кое-где даже ощутимого размера. "Азартен ты, Парамоша, азартен", – говорю я себе и проверяю их "на вшивость". Так и есть, не эвдиалит, не Звезда Лапландии, а простые гранаты – альмандины. Но

хорошо, что ждет Норвегия и жрут комары, иначе бы – пропадай, душа, не уйти отсюда, пока не найдешь эвдиалит.

От Инари начинается прямая дорога на север Норвегии. Кругом абсолютное безлюдье

и безмолвие. Идет дождь, усугубляя мрачную картину. Дворники на машине не справляются, и периодически вместо ритмичного жих-жих они тормозят, замирают, а потом снова – жих-жих, жих-жих. Вспоминается старый французский анекдот: "Мсье, перестаньте, вы сбиваете с ритма весь дом..." Иногда на дорогу выходят северные олени. Постепенно к ним привыкаешь, как к коровам. Ничего особенно гордого и величавого не наблюдается, никакого Кая и Герды. Бегут впереди машины, подергивая белыми попками, чувствуется: они здесь дома.

Вообще говоря, поездка по Норвегии делится на 2 части: высокие широты, Заполярье – и район Бергена, знаменитые норвежские фьорды. Апостериори понимаешь, что туристские районы Бергена более интересны, чем Север. Здесь фьорды глубже, краски насыщеннее, природа удивительнее. Но север настолько острее и энергетичнее, что само сравнение кажется неуклюжим.

В час ночи мы тормознули около кемпинга Руссенес. До Нордкапа – рукой подать. Внутри – ощущение "мы сделали это" и усталость от 700-километрового перегона. Ночи, как таковой, не было, лишь сиреневый призрачный свет будил воспоминания от прошлых встреч с Севером.

Первый раз это было около 30 лет назад. Нас, студентов мат-меха Ленинградского универа, послали за Кандалакшу в какую-то ракетную часть. До сих пор загадка, чья начальственная железа породила в мирное время эту безумную идею. Студиозусов разделили на взводы, роты, еще какие-то условные единицы, распихали по казармам, распределили автоматы для караульной службы и дали учить строевую песню "Не плачь, девчонка, пройдут дожди". Шизофрения...

Я бы вообще не давал студентам без крайней надобности оружия, а уж матмеховцам – в последнюю очередь. Но все прошло хорошо – никто не убится, не отравился и не свихнулся. Хотя было от этого совсем недалеко. И даже последствий авитаминоза не наблюдалось. Но десны болели и кровоточили, так как кормили по "закону турнепса": "Наш солдат получает 4000 калорий в день, а американский 7000 калорий" – "Не может быть! Два мешка турнепса ему в жисть не съест..." Съест-то он съест, да кто ж ему даст, как говорил ветеринар Нилыч, унося домой отпущенные слону бананы... В казарме считали дни до отправки домой, матерились, читали какие-то монографии и занимались художественной самодеятельностью. Студент Гребенщиков пел "Под небом голубым". Но чья песня – не сказал... Небо же и тундра тогда, в 1976, поразили. Они входили внутрь и резонировали. Возникали миражи, в них звучали Окуджава и Городницкий, и Галич кстати, всплывали пейзажи Рериха, Кента, Коровина, Борисова. Тундра же казалась бесконечным складом оружия, боеприпасов, здоровенным загаженным стрельбищем, по которому муравьями ползут какие-то уродливые машины, совсем как у Стругацких в "Попытке к бегству". Порой на горизонте маячили ээки,

жившие в вагончиках неподалеку. И все же незабываемое – это свет, призрачный северный завораживающий свет полярного дня, когда солнце приседало над горизонтом на короткий отдых и затем снова подымалось, как ванька-встанька. Сколько лет прошло, а свет этот – остался, и вот сейчас снова в Норвегии – появился.

Второй раз наш северный анабасис случился несколько лет назад на Соловках. В одну из ночей мы ловили на причале оголтелую беломорскую селедку. Вдруг слева на пригорке

Соловецкий кремль потерял свою монументальную устойчивость и заколебался в полумоночном свете. С моря задул стылый ветер, и облачное небо стало полем сиреневой ваты, припорошенным первым снегом. По полю скользили чайки, похожие на летающие треугольники. Сзади, от мостков, раздавался нарастающий, с какими-то всхлипываниями, шелест. Коричневые ленты морской капусты колыхались на перекладах сушилен, как вообще всхлипывает все, что болтается на перекладах. Развалины барачных на берегу зачернели проемами окон, потянуло йодистым запахом. Гулаговский кошмар, история Соловецкой смуты готовы были закружиться из этих темных провалов... А потом все вдруг стихло, отхлынуло, успокоилось. Я посмотрел на небо. Призрачный свет ушел, а вместе с ним ушли его химеры. По небу летали не треугольники – чайки, и высматривали селедку.

Прервав воспоминания, вдруг сверху что-то весомо и ощутимо капнуло на ветровку. Небо по-прежнему было безмятежно сиреневатым. Если на вас что-то сверху капает, значит, это кому-либо нужно. Так и есть... птичка, птаха, или, как написано на полуострове Корнуол, опасное и злобное создание – чайка. Может, ее послало божье провидение, чтобы уберечь нас от излишней выпренности чувств, а может, это российская чайка долетела сюда с Кольского, чтобы по-родному поприветствовать соотечественников.

Во время Соловецкой поездки мы были на Заяцком острове архипелага. На этом острове имеется настоящая тундра с могильниками и лабиринтами, а на берегу гнездятся бакланы и чайки. Экскурсоводша рассказывала историю осады Соловков, историю того, как на Заяцком стояла английская эскадра и просила монахов монастыря дать ей провиант, а те патриотично посылали ее, эскадру, к такой-то матери, несмотря на свои серьезные разногласия с тогдашней российской властью. Так и ушли англичане с острова, не солоно хлебавши. В момент ухода все чайки Заяцкого разом поднялись в воздух и дружно обложили английскую эскадру. Этот день, 12 августа не помню какого года, считается днем создания Российского военно-воздушного флота.

...Видимо, соловецкие чайки эмигрировали туда, где лучше, и теперь гадят ковровым бомбометанием, не разбирая чужих и своих.

Кемпинг Руссенес – ворота на Нордкап. Мы на сам мыс не поехали – дорого. Очень дорого и людно. Хотя и покидать камешки ритуальным образом с очередного "конца земли", если честно, очень хотелось. Это вообще в человеческой натуре – обозначать концы, чтобы потом обозначать начала. Но еще ни одного начала земли я не видел, а вот концов – сколько угодно... Нас успокоили – на самом деле конец Европы находится не на Нордкапе, а на полуострове Книвсьелодден. Пока это название выучишь, можно родить... и мы повернули на 50 км южнее.

По-настоящему Норвегия началась с маленького рыбацкого городка Хавойсунд – как говорят, самого северного городка Европы. Город сидит на узком проливе между островами, кругом море, облака и горы. Эта троица характерна для северо-норвежских пейзажей, неразрывная не хуже отца, сына и святого духа. На склоне горы стоит церковь, а рядом – туристская информация. Получить разумную информацию в Норвегии не просто, но можно. За дверью сидела чернобровая, слегка раскосая девушка. Я подумал – надо же, как посмуглели эскимосы. Все-таки сильны в нас стереотипы! Девушка оказалась филиппинкой и на все вопросы о туманном крае отвечала со счастливой улыбкой: "I have a baby, I have a baby..." Будущий викинг лежал тут же в коляске и отчаянно ныл.

Быть в Норвегии и не ловить рыбу – это все равно, что побывать в борделе и лишь выпить пива... За поездку мы выловили около 100 кг рыбы, а все началось с Хавойсунда. Там на прибрежной улице есть рыболовецкий магазин. Заходим. Перед носом висит длинный серебристый брусок сантиметров 30 длиной. Бэрримор, что это?.. "Блесна на треску, сэр", – улыбаясь, говорит хозяйка магазина. На треску? А что, она может такое съесть? "Ну что вы, это еще ма-а-ленькая". Та-ак, ясно что мы этого хотим, сразу и побольше. "Вы хотите deep sea fishing? Спросите у мужа, он в доме на берегу, au revoir", – рыбачка оказалась француженкой...

В доме на берегу повсюду крючки, снасти, пахнет правильно. Посреди всего этого сидит веселый мужик с удивительно располагающей аурой и чертиками в углах глаз. "Ну что, ребята, хотите рыбу ловить?" "Ну да, deep sea fishing, снасти, сейнер, траулер..." – затягиваем старую песню. Мужик смеется снова и говорит: "Ловить хотите, так ловите!" Он смотрит на нас, потом берет в руки леску с крючком командирских размеров, нацепляет кусок скумбрии и подходит к середине комнаты. Там заглушка сантиметров двадцать в диаметре, он ее отодвигает, кидает леску внутрь и достает килограммовую сайду. "Маловата", – и со следующей попытки рыба увеличивается в размере. В голове черти нашептывают: этого не может быть, рыба так не клюет даже под дулом пистолета! Наклоняюсь – и в дырочку вижу воду внизу, а в ней скользкие тени. "У вас там садок?" "У меня там море", – говорит мужик и смеется в очередной раз. У него какое-то простое шведское имя – ну, скажем, Свен. Шведское, поскольку он и есть швед. Они познакомились с женой в Париже, там было суетливо и шумно; уехали в Стокгольм, там стало шумно и суетливо; и они уехали на север Норвегии. Живут около моря уже 12 лет, двое детей – по-видимому, норвежцы. Свен пустил нас на причал... и все, дальше ничего не помню – клевало...

Мы вернулись в Руссенес вместе с окончанием дождя и выходом солнца – как всегда, около часа ночи. Над сопками стояли две безумные радуги невиданного цвета. Однажды в Израиле меня спросил Фима Кельман, почему у радуги дуга всегда вверх. Я мычал что-то

научнообразное про дифракцию, интерференцию и коэффициент преломления – бред, конечно, но слова красивые. Кандидат физмат наук Фима, знавший не только эти самые слова, но и их разумный порядок, с сожалением посмотрел на меня и сказал: "А вот Тора учит, что это лук Бога, направленный в небеса". Не знаю, не знаю, но эти две ночные радуги точно имели неземное происхождение.

Через некоторое время на небе по-настоящему зажглось "midnight sun" – полночное солнце. Стало немного нехорошо, не по себе. Как известно, ощущение пропорционально квадрату раздражения, но вот коэффициент пропорциональности у каждого свой, и я не берусь утверждать, что нехорошо было всем.

...Солнечное затмение 2000-го года мы встречали во Флоренции, около Санта Мария дель Фьоре. Мгновенно свет изменился и угасающие тени поползли по стенам кампаниллы Джотто. Появилось чувство тревоги, хотя многие оставались совершенно спокойными...

Полярное солнце висело где-то под-над краем гор. От этого края все небо заливало золотое, холодное, пульсирующее свечение. Воздух вокруг, казалось, впитывал сиреневые тона, и окружающая природа прорисовывалась в этой гамме сине-розовой пастелью. Знать бы, какова тональность этой темы в скрябинской цвето-музыкальной азбуке... Облака совершенно взбесились. Они пытались закрыть солнце, но, набегая, зажигались и сгорали в золотом свечении. Лучи вырывались сверху, небесный свет падал на горы, дорогу, воду. На-

деленный особым даром, он оживлял цветы и камни. Тысячи колокольчиков по склонам то угасали, то светились нежнейших оттенков голубым.

Мы вскочили в машину и поехали как можно выше на север. На несколько минут прибрежные утесы закрыли солнце и стало спокойнее и привычнее. Это как глаз тайфуна – передышка, чтобы осознать настоящую мощь стихии. Вдруг открылась длинная бухта, каменные формы над ней – и сбоку, над Ледовитым океаном (ну и что, что это Баренцево море!) желтый, мерцающий, набирающий силу, не спящий, но возбуждающий солнечный диск. Было три ночи, середина июля.

Утром было тепло и солнечно. Самое время ехать вниз, на юг, к Лофотенским островам. Никаких замков, музеев, садов по дороге не предвиделось, только природа во всей своей силе. Через несколько часов дороги начинаешь привыкать к водопадам. Но не настолько, чтобы не останавливаться у каждого из них, это придет позднее. Водопады сродни огню – на них можно смотреть бесконечно, привыкнуть к ним невозможно. Вдоль каньонов стоят норвежцы и смачно ловят нахлыстом лосося. Умение спокойно смотреть на чужое удовольствие не относится к числу пространственных добродетелей – стало ясно, что пора заняться пресноводной рыбалкой.

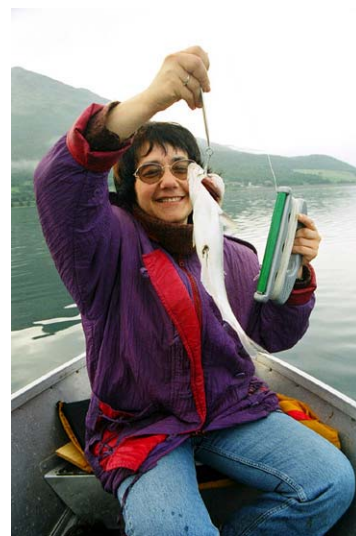
Самая северная провинция Норвегии называется Финнмарк, ее столица – городок Алта. Вот там и была предпринята попытка купить лицензию. Дело это абсолютно невозможное; если хотите ловить лосося на севере Норвегии – браконьерствуйте. Процедура получения лицензии выглядит так. Сначала на почте надо заплатить налог на ловлю рыбы в Норвегии вообще. Потом в туристской информации купить лицензию штата. Потом неизвестно где сделать дезинфекцию снастей на предмет паразитов. Потом в спортивном магазине купить лицензию на конкретную реку и конкретное время. Потом... можно удавиться. Но спешить с этим не стоит: ловля рыбы в прибрежных водах Норвегии – бесплатна и безлицензионна.

Алта стоит на берегу Алтафьорда, в долине Алты. Удивительное разнообразие имен... Тем не менее, Алта – красивейшая река. Если бы не кровососы, цены бы не было ее верховьям – каньон, плоскогорья, озера и водопады. Мы все же попытались их посмотреть. Но в

двадцати километрах от моря начинается жутчайший гнус, мошка, комары и прочая почесучая нечисть. На автобусной остановке прибита реклама репеллента – абсолютно голый мускулистый норвежец играет на скрипке в окружении упитанных комаров. Это такое зрелище... Хичкок не Хичкок, но Босх – уж точно. Судя по выражению лица, репеллент здесь не главное – просто шкура у музыканта дубовая. Играть на скрипке не было никакого желания. Каньон Алты зафиксировали в японско-кавалеристском стиле – щелк-щелк фотоаппаратами с моста, покушали бутерброды и ретировались без рыбалки.

Ночевка была, разумеется, в "Алтафьорд кемпинге" – никакого вольнодумства в названиях. Но спать как-то не пришлось – дошел черед до рыбалки с лодки во фьорде. Лодка – это несложно: платишь 100 крон служителю кемпинга – и она твоя до утра и (или) до полного изнеможения. Основным средством рыбалки является "утюг" – мотовило с намотанной на него 100-метровой леской устрашающего сечения. На конце – грузило и цветастые пластмассовые осьминожки с крючками на хвосте. Все, теперь дело за техникой. Техника, в общем, тоже знакомая... Едут в купе молодая девушка на нижней полке и жгучий восточный человек на верхней. Он как-то терпит, кричит, потом спускает сверху веревочку с запиской: "Девушка, если хочешь – гм – заняться любовью – дерни за веревочку, а если не хочешь, то дерни за нее 84 раза, причем последние 20 очень быстро..." Вот так и рыбалка: сгибаешь руку в локте, опускаешь грузило в воду – бултых, вот оно уже у дна, слышен четкий удар, леска провисла. Теперь каноническое движение – вверх-вниз, вверх-вниз, ритмично. Не клюет... Тогда убыстряешь темп: вверх-вниз, вверх – не идет... Значит, сидит рыба, или две, или пять сразу. Треска узнается по весу и флегматичному характеру – идет вверх туго, но без рывков. И вот из воды появляется здоровенный рот. Зажмуриваешься, съешь руку прямо в пасть, тянешь, и – экстаз!

С часа до трех ночи поймали больше 20 кг рыбы: треска, пикша, сайда, мерланг. Это, конечно, не рыбалка в привычном смысле слова – путина. Дно лодки завалено рыбой, азарт тоже отпускает; на базар с этим не пойдешь, съесть – не съешь, понадкусовать – не хочется. Но остановиться на бегу все равно трудно.

Четыре часа ночи. До берега метров 500-700. Ловить уже нет сил. Тихо до дурноты. Облака цепляются за

окружающие фьорд горы, но не где-то там, в вышине, а близко, рядом; кажется, их можно погладить, а можно и раствориться в них. Постояв, они начинают катиться вниз, во фьорд. Некоторые входят в воду так близко от лодки, что чудится легкое шипение. Это клочья тумана касаются поверхности воды. Все очень изменчиво и одновременно статично. Горы монументальны, но солнце и облака постоянно меняют их очертания. Поверхность воды – золотисто-серое стекло, в ней ничего не отражается, такое чувство, будто вода лишь поглощает солнечный свет, не отдавая взамен ни луча. Иллюзии давно перестали быть оптическими, так как не уходят, если закрыть глаза. Картинка остается и долго-долго не тает.

Вдруг на отражение солнца садится чайка. Угол такой, что вокруг нее моментально разливается желтое свечение. Чайка не кричит, не ловит рыбу, лишь скользит по стеклу. С воды берег кажется бесконечно далеким. Интересно, это иллюзия или реальность?..

Самый сумасшедший кусок дороги начинается от Алты по направлению к Нарвику. Все выдержано в серебристо-серых тонах, наделенных скрытой энергией. Бежит дорога,

меняются названия – Опдаль, Олтердален, Кафьорд – и вместе с ними возникают и исчезают ледники, горные цепи, водопады. От видов захватывает дух. Солнца нет, но есть солнечный свет. Вырываясь на простор, дорога открывает фьорды с лабиринтами островков. Видно, как перемещается свет вслед за движением облаков. Внезапно он выхватывает острова, и от воды к небу начинают подниматься светящиеся, клубящиеся замки. Радуга играет на них, устремляясь ввысь. Это совершенно неправдоподобно. Вдруг все стихает, тает, как мираж. Антракт... – до ближайшего поворота.

Снова появляются световые лучи. Но на этот раз они рассеяны по поверхности моря, которая серебрится вблизи и растворяется в серой пелене неба вдали. Переход между морем и небом исчез, туда солнцу не добраться. Лишь темно-серый цвет указывает, что где-то там – горы. Минут через десять декорации начинают меняться, и над серо-серебристой гаммой начинают проступать черные острые пики. Мгновение – и весь верх гряды заливают солнце. Снежники на вершинах отзываются слепящими искрами. На них постепенно обозначаются синие тени, еще немного... но вдруг все стихает, наползает пелена, и горы растворяются. Море же во всей этой вакханалии лишь наблюдатель, оно по-прежнему спокойное и серебристо-серое. Надо ехать, иначе это природное шоу околдует... да и пленка в фотоаппарате кончится.

Снова дорога, снова водопады. Но эти – другие, падающие вертикально в море длинными лентами через каждые 300-500 метров. Они похожи на артерии, соединяющие землю и море. Ближе к Тромсе появляется гряда суровых снежных гор. Дорога здесь раздваи-

вається. Нам налево, а горами – направо, к полуострову Иддон Ярга. Искушение плюнуть на маршрут и свернуть в эту загадочную страну становится почти осязаемым. Хочется скорее идти, ноги не дают покоя дурной голове. Но опыт, сын ошибок, направляет на путь – если не истинный, то хотя бы запланированный. И неосмотренный полуостров остался залогом нашего возвращения в эти края.

Не доезжая до Нарвика, мы купили своего первого норвежского лосося. Звучит это почти как "Подъезжая под Ижоры..." – на скандинавский манер. Лучше было бы написать "Не доезжая до Нарвика, мы поймали своего первого лосося..." – но увы, правда наших будней противоречит романтике наших мечтаний. Лосось оказался дикий, свежий и недорогой. В Норвегии лосося бывают ручными и дикими. Дикие – это выловленные в море или в реке. Вполне воз-

можно, что родился он в неволе, так как лососей содержат в специальных загонах в море, где они и мечут икру. Лососята выпускаются на волю и дальше живут полноценной жизнью свободной рыбы. Но первородный грех зачатия в неволе тянет их обратно в родные края, в окрестности того самого загона, где они появились на свет. И нет на них Моисея, который 40 лет водил евреев по пустыне, пока не вымрет последний, знавший египетское рабство... Правда, по другой версии он водил их сорок лет, чтобы найти место, где нет нефти... В любом случае, лосося возвращаются назад, тут-то их цап – и вот уже дикий лосось упакован, освежен и готов к употреблению. Ручные же лосося живут лениво, на казенном коште, быстро становятся упитанными, сытыми и довольными. Тут-то их цап – это у них общее с дикими; и вот уже их отправляют по всему миру в виде тушки, на которой написано "Норвежский лосось". Но истинные знатоки знают разницу между этими двумя лососями, и я к ним присоединяюсь – вкус у ручного хорош для города и ресторана, но среди гор и фьордов надо все же попробовать вкус свободы...

Рыбу продавали с лотка, с борта машины, для местных жителей, а не для туристов. Само по себе это было уже приятно. Кстати, лосось действительно недорогая рыба. Скажем, рыба уур, или что-то созвучное, гораздо дороже. Нам долго объяснял продавец-норвежец, что непременно надо делать из нее уху, которая благотворно действует на организм, особенно в пожилом возрасте. Звучит красиво, но неведомый уур оказался морским окунем. Сразу вспомнился совковый гастроном, а в нем что-то блекло-розовое, колючее, холодное и неаппетитное. Как же его доводили до такого состояния, бедного!

Уже позднее мы поймали десяток морских окуней на наш неразменный "утюг". Дело было так. Сначала что-то клюнуло, мы стали выматывать леску и долго мотали, поскольку глубина была метров 30 с гаком. Любопытство нарастало с каждым вытянутым метром лески. Наконец из воды показался выпуклый блестящий рыбий глаз, а за ним – сверкающая красная красивейшая рыба. Наши глаза тоже стали если не выпуклыми, то блестящими, и полезли на лоб, так как если ты рыбак и в жилах течет нужная субстанция, то первый морской окунь не забывается.

Купленный лосось потянул на 3.7 кг и специально "для русских" был обсыпан льдом, упакован и приготовлен для дороги. Продавец сказал, что по-русски не говорит, а затем добавил для убедительности: "Не понимаю". К лосося купили полтора кило китового мяса. Норвегия принципиально не подписывает никаких китобойных соглашений, и китятина (как и лосятина с олениной) довольно обычна на севере Норвегии.

Свежий лосось не располагает к посту и молитвам. Пора было подумать о вечном – то есть поискать подходящий "хуттер". На самом деле, Норвегия – страна дорогая до безобра-

зия. Здесь лучше не есть, не пить, уж точно не поддавать – и вообще, шевелиться как можно меньше. В принципе, это идеальное место для того, чтобы предаться аскетизму и обрести формы. Но это для слабых духом. А стойкие все равно найдут способ, как расслабиться.

"Хуттер" – по-норвежски дом; то же самое, что "хаус" по-английски, "хауз" по-немецки и, извините, "хуйс" по-голландски. В дорогой Норвегии можно снять хуттеры за очень небольшие деньги, особенно если вас 8 человек и с собой имеется постельное белье. Дома все чистенькие, опрятные, как правило, с каминами, микроволновками, а иногда даже с английской посудой, ажурными скатертями и портретами предков во фраках и кринолинах. Цена за ночь в среднем 10-12 евро, то есть десять-двенадцать евро на рыло. Чем дальше на север, тем с хуттерами проще, хотя и в центре страны найти ночевку не слишком сложно. Для палаток же в Норвегии вообще идеальные условия. Но в этот день хотелось хорошего хуттера с видом на фьорд и уха с коньяком.

Китовое мясо оказалось довольно жестким. Оно визуальное красиво и замечательно шкварчит и потрескивает на сковороде, приобретая темно-коричневый до красноты загар. Есть его почетно, но невкусно. Можно хорошо просолить и завялить на ветру – тогда получается северный вариант армянской бастурмы. Ее едят, строгая острым ножиком тончайшие ломтики. Зато лосось... Голова, плавники, хвост и обрезь идут на уху, а сама тушка покрывается слоем соли, перца, немного специй и... главное – продержаться сутки, чтобы не съесть продукт в виде суши.

Мы взяли с собой спирт и клюкву и делали из них "клюковку". Вообще, ситуация с алкоголем в Норвегии катастрофическая. Сухого закона нет, но нет и спиртного. А то, что есть, стоит столько, что забудешь, зачем шел в магазин. Я видел, как продавалась половина бутылки вина. Естественно: бутылка 0.7 литра, заполненная до половины. Видно, это такая форма национального мазохизма. Где все эти викинги, что они пили в своей Валхалле? Лимонад? кока-колу? шербет?.. как дети Востока?.. Но на Востоке хоть жарко и потно, Север же располагает к алкоголю, красота у него такая. Как норвежцы греются долгой полярной ночью, как расслабляются? Впрочем, может они и не напрягаются.

Мы взяли с собой спирт и клюкву и делали из них "клюковку". Вообще, ситуация с алкоголем в Норвегии катастрофическая. Сухого закона нет, но нет и спиртного. А то, что есть, стоит столько, что забудешь, зачем шел в магазин. Я видел, как продавалась половина бутылки вина. Естественно: бутылка 0.7 литра, заполненная до половины. Видно, это такая форма национального мазохизма. Где все эти викинги, что они пили в своей Валхалле? Лимонад? кока-колу? шербет?.. как дети Востока?.. Но на Востоке хоть жарко и потно, Север же располагает к алкоголю, красота у него такая. Как норвежцы греются долгой полярной ночью, как расслабляются? Впрочем, может они и не напрягаются.

Архипелаг Лофотенских островов – мировая столица ловли трески. С января по апрель сюда, как мухи на сладкое, слетаются рыбаки на тресковую фиесту. Живут они в рорбуерах. Это такие цветастые красно-желтые домики на сваях, стоящие по берегам фьордов. Они выгодно контрастируют со скуповатыми цветами стандартных норвежских северных домов. Острова – гористые, изрезанные проливами и бухтами. Через них перекинуты лобастые мосты, изгибающиеся изящными дугами над морем. С

моря постоянно несет низкие облака, они цепляются за середины гор, и горы начинают напоминать балерин в белых пачках облаков. Красные рорбуеры под ними – это как раз то, что нужно для счастья.

В первую же лофотенскую ночь мы предприняли попытку поймать лосося. Скажу сразу – без особого успеха. Зато процесс... Внутренние фьорды на Лофотенах соединены с внешними узкими проливами, неотличимыми от рек. Встаешь около какого-либо моста и начинаешь методично кидать блесну в быстрое течение. Лосось выскакивает из воды, делает сальто, и – привет, никаких следов поклевки, просто чистое эстетическое удовольствие. Но занятие затягивает, возбуждает, адреналин льется рекой. Вдруг – что-то меняется, возникает странное

чувство, будто ты бежишь, а мир вокруг остановился. Никакого движения, река застыла на месте. Стоящее море, озеро, пруд – это о'кей, это может быть. Но стоящая бурная река – это сюрреалистическое зрелище. Без подготовки немного не по себе, возникает чувство ожидания, а оно почти всегда неприятное. Две-три минуты – и река с ревом начинает бежать назад, к морю... прилив сменился отливом. Так норвежская природа осуществляет вековую социалистическую мечту – повернуть вспять реки.

На второй день лосось все-таки взял воблера. Рита кинула пластмассовую рыбку в течение, и этот дурень принял ее за настоящую. О, это незабываемое чувство! Спиннинг – в дугу, леска – струной, Рита – в экстазе, все – в ауте, даже стоящий рядом норвежец возбудился и заклекотал: лакс, лакс. В пене происходило нечто захватывающее: Рита не давала лосося уйти, а лосося это не нравилось. Здоровенная рыбина вспенивала воду с такой силой, будто рассчитывала получить из нее сливки. Андрей подбежал с лицом, выражающим сильную внутреннюю страсть, и со словами

"отпусти леску", но слова эти остались артефактом, существующим отдельно от события, так как в это время раздалось – "дзинь-бам", и леска затрепетала на ветру памятником упущенным возможностям!.. Последний раз такое лицо у Андрея я видел 10 лет назад на Ахтубе, когда Рита точным ударом сачка между глаз согнала с блесны здоровенную щуку. Он тогда замолчал и заговорил не скоро...

Лосось больше не появлялся, и вообще, всякая жизнь в проливе прекратилась. Приглядевшись, мы разглядели метрах в двухстах длинные усы. Тюлень! Он лежал на воде мордой вверх, сложив лапы на брюхе и скрестив ноги, т.е. лапы-ласты. Все его естество выражало чувство глубокого удовлетворения. Видно, на Лофотенских харчах ему жилось, как у тещи на блинах – сытно и лениво. Когда тюлень появляется в заливе, рыба уходит – знает, что будет, когда усатая морда проголодается.

Я решил пойти пешком к берегу Норвежского моря. Тундра у берега слегка заболоченная, вся покрытая панцирями морских ежей. Это чайки мародерствуют. Они выхватывают ежей из прибоя, выедают икру, а сами панцири рассеивают по тундре в назидание потомкам. Внезапно за небольшой стелящейся березой что-то

заурчало и резко стрельнуло в небо. Я успел разглядеть лишь черные перья и ярко-красную шею. Неужели краснозобая казарка?! Тогда это – редкое орнитологическое везение. Позднее оказалось, что они в Норвегии не водятся. Странно. Кто же тогда сиганул в тундре?

От берега открылись острова в синей дымке. И никого – сколько хватает глаз, никого – сколько хватает мыслей, никого – остаешься наедине с самим с собой или вдвоем с одиночеством. Нет, это не мое, пора назад, к ребятам...

Лофотены состоят из многих островов и у них имеется свой логический конец, на котором расположен город с недлинным названием "А". Ну, не совсем "А", а "А" с точкой наверху, но все равно звучит соблазнительно. Мы считали своим долгом до него доехать, поскольку есть классический анекдот русских израильтян: встречаются двое, один спрашивает: "Ты откуда?" – "Я из Москвы, а ты?" – "Я из города А." – "Да перестань, нет такого города, скажи, откуда ты?" – "Ну ладно, я из Черновиц" – "А-а-а..."

В Черновцах мы не были (говорят, это симпатичный австро-венгерский город), но вот до "А" доехали. Красивейшая дорога петляет вдоль берега. Недалеко от "А" открывается прозрачная кварцевая бухта с буйной растительностью. Склоны расцвечены голубым и фиолетовым. К голубому мы уже привыкли в Норвегии – это колокольчики, а фиолетовый цвет интригует. Лезем вверх. Каменные плиты покрыты ковром диких анютиных глазок – так приятно и неожиданно!

Сам "А" – это очередной "конец земли". Как и вчера, с обрыва видны какие-то скалистые острова на кромке горизонта. Серебристо-серая морская гамма крайнего севера на Лофотенах сменяется холодновато-голубой. Острова колеблются вдали щемящими миражами. Пора в обратную дорогу; начинается паромный путь вниз, к центру Норвегии.

Я точно не помню, сколько было паромов; думаю, штук 20 – точно. Паромы дорогие, как собаки, но без них сделать настоящее норвежское путешествие невозможно. Паромы объединены в связки, тройки, поэтому, опоздав на один из них, рискуешь потерять весь день. Это бодрит и добавляет остроты путешествию. Как правило, все машины едут в одну сторону. Свернуть некуда, так как боковых дорог нет. Если влез последним на паром, то, чтобы успеть на следующий, надо обогнать десяток попутных машин на коротком участке островной дороги. Это называется ралли по-норвежски. Едешь как гонщик, подъезжаешь к парому – и видишь флегматичных паромных мальчиков. По-видимому, студенты летом подрабатывают на паромных переправах. Неспешны они до полной флегмы, а в глазах – вся

тоска соплеменных гор. Добиться чего-то осмысленного от них невозможно. Надо скорее встать в нужный ряд и ждать, сколько машин втиснется на паром в этот раз. Основное правило: если паром взял 30 машин, а ваша была 31-й – расслабьтесь и получайте удовольствие. Можно сесть на камушек и смотреть на море и на горы. Можно ловить рыбу. Можно вообще ничего не делать. Наконец подплывает паром с оттопыренной сверху мордой. Забираешься внутрь и чувствуешь себя Ионой во чреве кита. Но бури нет и не будет, не надо идти в Ниневию, не надо пророчествовать, можно смотреть и думать. Комфортно, за бортом скользят

суровые пейзажи. Иногда приятно чувствовать себя вне их пределов. Морская поездка сродни дилетантскому взгляду на суть вещей – привлекает и не утомляет.

Салстраумен расположен между двумя фьордами. Узкий пролив между ними (метров 500 шириной) вдохновил Эдгара По на его знаменитое “Низвержение в Малстрем”:

“...В какие-нибудь пять минут море до самого Вурга заклокотало в неукротимом бешенстве... водная ширь, изрезанная, изрубцованная тысячью встречных потоков, вдруг вздыбившись в неистовых судорогах, шипела, бурлила, свистела, закручивалась спиралью в бесчисленные гигантские воронки и вихрем неслась на восток с такой невообразимой быстротой, с какой может низвергаться только водопад с горной кручи.”

Мы приехали к Малстрему нежной розовой ночью. Моросило, над проливом стояли розовые радуги. Направо и налево, далеко, насколько мог охватить глаз, тянулись гряды скал, создавая перспективу в фиолетово-розовых тонах. Ничего гнетущего и жутковатого, сыро немножко.

Ночевка все не находилась, зато нашелся мужик, переехавший сюда из Лондона, поскольку – “невозможно уехать от такой красоты...” Почти всегда находится такой “мужик” из породы добрых самаритян. На Валдае он принял вид разбитного попа за рулем микроавтобуса – у батюшки была ряса, вдохновенное нестеровское лицо и хорошее знание местности. Его астральный двойник в Норвегии имел спортивный вид, джинсы и джип, а также английский язык в качестве родного, но по сути он мало отличался от валдайского попа. Англичанин объехал с нами все хуттеры – занято, сезон. Извинившись, он устроил нам кемпинг под розовым и моросящим небом. Капли стучали по палаткам, как колыбельная песня...

В кемпинге получили буклет, где было расписано по минутам на весь год, когда именно Малстрем должен клокотать и вспучиваться. Все очень упорядоченно, на разгул дается минут 15-20, потом снова ожидание, и так – из века в век. Место на самом деле замечательное. Мост висит над проливом на многометровой высоте. С него видно, как вода течет из моря во фьорд, ее движение зачаровывает. Над водой скользят чайки, а мы – парим над чайками. Вдруг происходит знакомое уже по Лофотенам остекление природы, только помноженное на тысячи и потому перешедшее в другое качество. Ожидание длится несколько минут, а потом вода со страстью поворачивает в другую сторону. Сверху видны все турбулентности, море действительно вспучивается так, как будто съело вагон отварной фасоли. Затем возникают водовороты, похожие на зеленоватые миниатюрные галактики вдоль хребта Млечного пути. К ним устремляются лодки с туристами. Чувствуется, как от души работают японские моторы, стараясь преодолеть

течение воды. Лодки подходят к водоворотам с уважением, но без робости. Еще немного – и спектакль заканчивается, чтобы снова повториться через несколько часов. Эти артисты никогда не устают...

Самое совершенное место в Норвегии из всех встреченных зовется Холден. По дороге туда, в каком-то заливе, мы набрали мидий. Мидии маленькие, но в каждой второй имеются жемчужинки. Ешь, а на зубах хрустит жемчуг. Говорят, Клеопатра любила растворять жемчуг в вине. Интересно, пробовала ли она его с хлебом и томатной пастой. Хорошо, что наш жемчуг был мелок...

Холден расположен на фьорде, напротив ледника Свартисен. Хозяин местного хутора, Валтер – нормальный доброжелательный человек, жалуется на зимнюю безработицу и скуку в этом совершенном крае. Вспомнилась фраза мудрого Бори Мандела: "Посмотри, какая женщина – сказка! А ты поживи с ней..." С совершенством так бывает: издали посмотришь – совершенство, поживешь с ним – холодно и тоскливо.

Наутро Валтер принес заполярной норвежской клубники. Вот как выглядит Лукуллов пир по-норвежски из местных продуктов: уха из морского окуня с грибами, жареная и печеная треска, тресковая печень по-лофотенски, тушеные мидии, клубника на закуску. Напитки – "клюковка" и вода из родника. То хлорированное, торфяное, железистое, известковое, отфильтрованное нечто, которое течет из крана повсюду от Питера до Тель-Авива, является настоящим бастардом в достойном обществе норвежских родниковых вод.

Брат Валтера сдал нам лодку на ночь. Уключин нет, грести очень трудно. Норвежцы изобрели скрепку и сырорезку, уключины же прошли мимо... А жаль. Что-то есть, конечно, в этом прелестное и инфантильное, но очень неудобно. Лодка была уже не девушкой, со стареньким мотором, предполагающим крепкое слово и физические упражнения.

На ней мы и выплыли на стрежень. Суровая природа охватила кольцом гор, лупил дождь, тяжелые тучи висели над ледником. Север в плохую погоду заставляет вспомнить о Вагнере, в хорошую – о Бетховене. Под днищем лодки ощутимо проступала глубина – где-то совсем рядом было метров 200 до дна. Мы повернули к скалам. Кинули "утюг", и началось... Азарт был такой, как будто наши рыбацкие души всю жизнь шли к этой белой дождливой ночи. Улов все прибывал, пришлось звать подмогу на пирс, не унести – в кои-то веки два профессора добыли пищу на шестерых женщин не головой, а руками. Моя теща была бы счастлива...

Утром сияло солнце, маленький кораблик вез нас к леднику. Громадный ледник Свартисен отличается от всех остальных европейских ледников тем, что находится не где-то там, за облаками, а сползает практически до уровня океана. Идти до него – минут 40 от пристани.

Сначала дорога вьется среди березовых лесов. Все светится, из мха возбуждающе торчат подберезовики, подосиновики, рыжики. Никому до них нет никакого дела. Под березами лежат парами индифферентные норвежские овцы. У них абсолютно довольные жизнью мордочки, холеные белоснежные шкуры и некое подобие слюнявчиков на шее. В сравнении с ними российские, английские, израильские овцы напоминают углекопов, только что покинувших забой. Позднее, в Бергене, мы увидели на рынке шкурки дикой и ручной

норвежских овец. Белоснежные, теплые, как оренбургский платок, легкие – они были великолепны. Одно непонятно, что же такое дикая норвежская овца? Вспомнились овцы под Свартисеном, их сытая пастораль. Пастораль в виде шкурки... – вот так и становятся "зелеными".

по которым бегут темно-зеленые рудные жилы (для любопытных – это актинолит и фуксит с вкраплениями разных гранатов). Сама поверхность ледника сияет белым. Но все же доминирующий цвет – цвет тысячелетнего материкового льда – от сине-голубого до фиолетово-индигового. Я видел нечто похожее в ледяных пещерах Альп, но никогда не встречал такого сияния и такой доступности. Входишь внутрь ледника. Рассеянный фиолетовый свет обволакивает и убаюкивает. Вот так и выглядит сказка Снежной Королевы, вот, наконец, ее “цветные сновиденья”, вот здесь и побывал Андерсен вместе с Каем и Гердой. Вылезаем наверх, и глаза успокаивает спокойный зеленый цвет ближайшего склона горы. Такое чувство, что на Свартисене бесконечные норвежские радуги расщепились на составляющие цвета, чтобы затем снова собраться в небе воедино.

Затем тропа стала чуть подниматься, и открылось бирюзовое ледниковое озеро. Через 20 минут мы оказались внутри ледника. У Свартисена абсолютно белоснежная поверхность. Снег не покрыт темным пылевым налетом, не цветет розовыми микроорганизмами – он белый, как вчера родившийся. Вообще, палитра природы вокруг Свартисена совершенно не терпит полутонов, все написано длинными, чистыми, монументальными мазками. Ледник стесал гору и, отступив, обнажил коричневые породы,

После Свартисена многочисленные паромы влекут вниз, на юг, к Рорвику. По дороге – ночевка напротив Семи Сестер. Это семь скал удивительной формы, сформированные ледником. Соответствующая легенда не отличается оригинальностью: король, семь дочерей, какой-то нехороший хмырь и всеобщее окаменение. Популярна все-таки у норвежцев библейская идея превращения в камень всего, что не так себя ведет.

Кемпинг расположен на остатках форта. Во время войны здесь шли бои. Опять понимаем, что знаем лишь то, что нам вкладывали в головы. Где там был Квислинг? А где – Соппротивление?

Рядом с кемпингом – городок Саднессьеен. Поехали туда часов в 8 вечера – сплошной де Кирико, как в Испании во время сиесты, только круче. Все вымерло, даже кошек на улице нет, а ведь не Венеция, и не холодно. Интересно, где люди; и если внутри домов, то что они там делают? Вроде и света в окошках немного... Бр-р. Неожиданно в самом центре города обнаруживается бар и подвыпивший мужик около него. Все-таки есть жизнь на Марсе, хоть и слегка нетрезвая. Утром этот же городок вполне живой и активный, пахнут краской тралы для ловли креветок, шумят машины, открыты какие-то магазины. Мы купили креветок, морошкового варенья, поцокали зубом у цен на спиртное, снова посмотрели на спиртное, вспомнили, что должно быть у Кузи детство... купили пива и рванули на паром Тьотта-Фор-

вик. По дороге встретили коров, танцующих на шоссе мазурку – они быстро меняли направление движения вправо-влево и плевать хотели на зрителей в машинах.

Рорвик совершенно не туристский городок. Здесь люди живут и ловят рыбу. Очень все настоящее, никакой позолоты или мишуры, все – как оно есть. На этот раз было решено поймать палтуса. Зафрахтовали рыбацкий катер и выплыли на нем в море: капитан и его сын на корме, эхолот-рыболов посередине и мы, трое фраеров, на носу.

Особое чувство – стоять на борту рыбацкого катера, уходящего в море. Есть в этом что-то первобытное. "...Вот так бы и мне в наступающей мгле усы раздувать, находясь на корме..." Эхолот искал ямы; как только глубина достигала 80-100 метров, кидали туда "утюг". Палтус так и не показался. Зато вытащили с 90-метровой глубины треску килограмм на 5. Почетно, но очень дорого...

В Норвегии чувствуется живое море. Постоянно встречаются звезды, медузы, морские ежи, крабы. Камни облеплены моллюсками, в воде качаются, раскидав желтые руки, ламинарии. Около Рорвика на мосту раздался тяжелый вздох. Нет, это не водяной и не тролль, это дельфин гоняет рыбу. Жизнь у него нелегкая, вот он и вздыхает. К тюленям в обломовской позе мы уже привыкли, а вот северный дельфин был как бы бонусом.

Рорвик был последним городком, ассоциированным с Северной Норвегией. Вдоль дороги стали появляться обычные лиственные рожи, распаханные поля, заросли малины. Дальше на юг по маршруту – Тронхейм и туристские места района Бергена.

Тронхейм – первый для нас реальный норвежский город. Его кафедральный собор – Нидаросдоммен – красив и величественен. Если бы это была Франция, сказали бы: "еще один собор", но для Скандинавии собор в Тронхейме – это "the" собор, или, как говорят сейчас по-русски, конкретный собор.

Самые сильные чувства от норвежского "Средиземья" связаны со "ставкирхе" – деревянной церковью в местечке Урнес. Местечко расположено на другой стороне двухсоткилометрового Согнефьорда. Что ж, у каждого фьорда есть другая сторона. Паром неторопливо чапает, есть время всмотреться...

Геометрически Урнес состоит из двух зеленых дуг, опирающихся на плоскость фьорда. Большая темно-зеленая дуга – это гора, над которой только небо. При прямом, рациональ-

ном взгляде небо и должно быть выше горы. Но рациональность уносит ветер, а прямоку разбивают волны. Я посмотрел на воду: там плавала покрытая лесом гора, а под ней колебалось небо...

Вторая дуга очерчивает пространство обитания. Ее цвет – светло-зеленый. Видимо, это поля, сенокосы, сады. Угадываются силуэт церкви посередине, два-три десятка домов у кромки воды. Это все. Весь микрокосм, вместивший в себя 1000 лет жизни. Его компактность, состоящая из ограниченности и замкнутости, поражает.

От причала к церкви дорога идет в гору. Вокруг огромные ма-линники и черешневые сады. Малина чудовищных размеров, вели-

чиной со сливу. Интересно, какие здесь сливы?.. В садах попадаются работающие люди. Они напоминают отпускников-дачников, так как работают семьями и с любовью. Но что-то неуловимое в выражении лиц говорит о том, что живут они здесь.

Церковь стоит на пригорке. Сразу видно, что это не Киж, все гораздо скромнее, да и вообще по-другому. Еще бы – Урнесская церковь лет на 400 старше. Она, конечно, интересна, но не настолько, чтобы возбудить неспециалиста. Вся сила в том, что она стоит на месте, на том самом месте, где ей положено стоять. Она стоит – и без нее гармония и совершенство Урнеса распадется. Она как замковый камень: вынь его – и все может рухнуть. Рядом с ней кладбище, камни ушли в землю, разных фамилий на них не много. Видимо, здесь живут всего три или четыре рода. На боковой стене церкви – аутентичное панно 12-го века. Странные изогнутые формы изображенных драконов плохо согласуются с представлениями о христианстве. Впрочем, не до анализа, голова совершенно не работает, хочется присесть на скамейку и ни о чем не думать, подчиняясь атмосфере этого места. Время в Урнесе становится вязким, как лава, и сладким, как малина. Снова внутри что-то щемит; ну что за страна – ни расслабиться, ни выпить. Хотя в Урнесе продается какой-то местный сидр. Может, купить – во всех сказках полагается испытать чего-

то, чтобы сбросить чары. Стоит ли?..

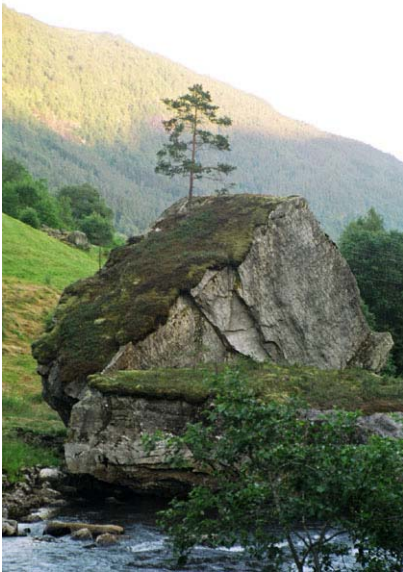
Урнес отдалялся, паром чапал обратно – у фьорда всегда есть другая сторона.

Размышляя, почему Урнес так подействовал, я не мог отделаться от чувства, будто он излучает энергию вечности. Она пропитывает воздух, вибрирует в лесах, разносится с ветром. Может быть, существуют какие-то волны, поля, субстанции, вбирающие и хранящее время, как конденсатор хранит электрический заряд. Так совпало, что настроение, усталость, ощущение конца поездки наложились на это монументальное и одновременно эфемерное нечто. Все срезонировало, взорвалось и исказило мир. Реальность маленького поселка у подножия горы стала сценическим пространством, на котором резвилось воображение. Оглянувшись, я заметил две пары затаенных в кожу немецких рокеров. Мужчины пили пиво, а женщины неподвижно всматривались в пенный след за кормой. Интересно, о чем думали они?

На самом деле, Урнес далеко не самая архитектурно-интересная ставкирхе. Она внесена в список Юнеско за свою древность, но вот, скажем, церковь в Боргунде намного красивее. Ее украшают со всех сторон совершенно языческие драконы, заставляющие вспомнить, кого, собственно, здесь обращали в христианство. После Боргунда особенно любопытно, как вся эта необузданная воинственная братия христианизировалась, как приняла новую мораль, как совместила с ней “Старшую Едду”, Одина, Валхаллу, и как, собственно, неуправляемые берсеркеры, закусывавшие настойку из мухоморов медвежатинной, превратились в склонных к аскетизму садоводов, рыбаков, нефтяников.

За день до Урнеса случилась ночевка в традиционном норвежском горном коттедже. Не всякая птица до него доберется, и уж тем более не каждая машина. Но всем правит случай. В поисках хуттера мы наткнулись на вывеску “Ночлег, заезжайте – не пожалеете”. Заехали, не пожалели. Вышел молодец, сказал: “Ребята, у меня есть то, что вам нужно, поехали, тут недалеко”. Оказалось, что “недалеко” – это по вертикали с полкилометра, а горизонтали там нет вообще. Предоставленный нам “изнакурнож” хозяин с гордостью назвал “типичным гор-

ным коттеджем". Лицо его сияло, а сам он беспрерывно говорил, рассказывая, как популярно это место, как прозрачен воздух, как много рыбы в озерах за перевалом, и вообще – не место, а рай. Прервать его было невозможно, по сравнению с ним птица-говорун – просто немая. На вопрос о туалете он негодующе поднял брови и сказал, что в традиционном норвежском горном коттедже сортир типа "ведро" всегда находится снаружи, но если нам не нравится, то можем внести его в дом. Вода же в доме обычно есть, но сейчас как раз что-то сломалось. Это было интригующе, мы на севере еще ни разу не видели, чтобы в Норвегии что-то сломалось. За "изнакурнож" он запросил как за хороший хуттер, поскольку "на базаре все дорого", и вообще, он всех приглашает в Норвегию в гости, но никому не рекомендует жить в такой дорогой стране. Гораздо лучше на зиму уезжать в Испанию, там все дешево. Кто же спорит, в Испании зимой лучше – мы согласились на цену. Разговорчивый норвежец мгновенно почувствовал прилив бодрости и перешел к обсуждению ближневосточной политики и перспектив российской экономики. Захотелось его придушить. Традиционный норвежский сортир – это еще куда ни шло, но о политике в отпуске говорят лишь замшелые урбанисты да "пикейные жилеты" на пенсии.

Стемнело, ни шороха, ни звука, ни живой души вокруг, да и свет в самом коттедже какой-то дохлый. И немудрено – под потолком висит внушительного возраста абажур. Он и в юности губил свет, а пыль, мухи и старость сделали его вообще слабо прозрачным. Самое время для норвежских сказок. "Если вы встретите в темном лесу прекрасную девушку, зайдите к ней сзади – может быть, это тролль, у них всегда остается снаружи хвостик..." У нас было в наличии 6 прекрасных "девушек", сколько угодно темного леса и ни одного хвостика. Видно, у наших женщин другое амплуа. "Старухи-тролли очень любят готовить, помешивая в котлах своими носами..." – вот это нам знакомо, не зря у меня в школе была "шнобелевская премия" третьей степени, в нашей школе третья степень дорогого стоит. "Тролли имеют по 4 пальца..." – ну, и так далее. Удивительно, проезжая мимо гамсуновских мест никто даже не подумал читать Гамсуна, об Ибсене и не вспомнили, а тут – горный коттедж, и пожалуйста – тролли.

Стемнело, ни шороха, ни звука, ни живой души вокруг, да и свет в самом коттедже какой-то дохлый. И немудрено – под потолком висит внушительного возраста абажур. Он и в юности губил свет, а пыль, мухи и старость сделали его вообще слабо прозрачным. Самое время для норвежских сказок. "Если вы встретите в темном лесу прекрасную девушку, зайдите к ней сзади – может быть, это тролль, у них всегда остается снаружи хвостик..." У нас было в наличии 6 прекрасных "девушек", сколько угодно темного леса и ни одного хвостика. Видно, у наших женщин другое амплуа. "Старухи-тролли очень любят готовить, помешивая в котлах своими носами..." – вот это нам знакомо, не зря у меня в школе была "шнобелевская премия" третьей степени, в нашей школе третья степень дорогого стоит. "Тролли имеют по 4 пальца..." – ну, и так далее. Удивительно, проезжая мимо гамсуновских мест никто даже не подумал читать Гамсуна, об Ибсене и не вспомнили, а тут – горный коттедж, и пожалуйста – тролли.

Один нерукотворный тролль нам все же встретился. Он живет на скале над Гейрангером. Сам Гейрангер-фьорд обладает убойной красотой. Каждый путешественник по Норвегии должен на кораблике проплыть по нему, любясь совершенной красотой клыкастых скал и изумрудной водой. Внезапно объектив поймал на скале огромное каменное лицо и еще одно, поменьше – над ним. Наваждение, брысь – если бы ты здесь было, то были бы и тысячи реклам!.. Ничего подобного – а лицо еще явственнее проступило в теле скалы. Не иначе, как тролли перебрались сюда недавно. Ну что же – привет!

Над Гейрангером господствует величественный пик Далснйббы. С ее вершины открываются орлиные виды, а сам фьорд уменьшается до маленького голубого озера. Набегает облако, и фьорд тает в молоке. Пора ехать дальше.

Общепризнанно, что Берген – самый красивый норвежский город. Что говорить, это в самом деле Город. Его ганзейское прошлое зафиксировано в реставрированном с любовью и умением квартале Бригген. Там все, как надо – деревянные мостовые, старинные склады с металлическими стежками поверх штукатурки, каретные камни, церкви. Рядом – рыбный рынок. После Нарвика видишь всю его туристскую сущность, дороговизну и продажность. Но как смотрится, зараза, как завлекает! По-моему, устоять перед его искушениями невозможно – будь ты даже отъявленным вегетарианцем, или кошерным евреем, или девушкой на диете. Но мы устояли. Дураки...

В Бергене полно музеев и галерей. Его Художественный музей включает музей Расмуса-Мейера с двумя залами Мунка. В России никогда не было Мунка, и вскормленному на иллюстрациях трудно сразу, вживую, пережить такую массу эмоций. Мунк – гений, а гениев лучше переваривать в гомеопатических дозах.

Для нас Берген явился крайней южной точкой путешествия, от него мы повернули на Швецию. Дорога убаюкивает бесконечными туннелями. Умение вгрызаться в горы у норвежцев генетическое, от гномов и троллей. Хотелось бы иметь в предках сивку-бурку, но увы... Очередной туннель тянет на 25 километров, говорят – самый длинный в Европе. Маленькое чудо: он бесплатный.

Опять водопады, долины, деревянные церкви. При обратном отсчете километров они смотрятся грустными и уставшими. Для осени еще рано, это субъективный минор.

Останавливаемся у какой-то церкви. Церковь замечательная, но неожиданно возникает тетка, похожая одновременно на рабочего и колхозницу, и злобно шипит что-то по поводу "privasy" и парковки. То ли заплатить ей, то ли послать... В качестве компенсации приглашаю ее в Израиль, она продолжает шипеть. Пришлось послать.

Вообще, хорошо, что она бесновалась – полезно, нечего расслабляться. До этого было ощущение, что страсть в Норвегии слегка подмороженная, как их лосось в наших магазинах. Ловля рыбы – без страсти: точно, аккуратно, профессионально, но без блеска в глазах. Архитектура домов – небогатая, скупая и чистая. Поди разбери – весь мир внутри или где? Хутора на недоступных склонах наряду с восхищением вызывают удивление. Зачем? Что

ищут там люди? Живут, как жили всегда, чередуются времена года, растут овощи, кудрявятся овцы... Отшельничество не религиозное, а будничное. Длинные ноты норвежской природы располагают к созерцанию, ее суровость – к тяжелой работе, их сочетание – к обособленности. Кажется, что одиночество "как верный пес" всегда стоит за углом самого красивого фьорда. Нет сомнений, мрачноватая символика фильмов Бергмана или пьес Стриндберга имеет отношение к скандинавской природе. Но призрак обобщения надо гнать, иначе велик риск стать таким же наивным, как ежик в тумане. Может, кстати, это и неплохо...

Норвегия убегает назад дорожной лентой. Устали, не хочется даже ловить рыбу или фотографировать. Ничего, это пройдет – и снова вернется. Может, и нам вернуться в следующем году? Известно как: берутся друзья, паром, две по-видавшие жизнь машины... цыганка нагадала дальнюю дорогу...

